

Ценности: природа и эволюционная типология

Наряду с теорией и практикой важной составляющей бытия человека в мире являются ценности. Обычно ценности определяют в качестве одного из элементов культуры (из прочих называют идеи, смыслы, верования, традиции и т. д.), но в действительности они несут с собой ее целостную определенность. Все элементы культуры имеют ценностную природу: культура — это совокупность (комплекс) ценностей.

В связи с ценностной природой культуры возникает вопрос о природе самих ценностей. Вопрос фундаментальный и, как всегда бывает в таких случаях, не имеющий однозначного ответа. Основное проблемное напряжение концентрируется здесь вокруг вопроса о месте и роли объекта и субъекта в структурной диспозиции ценности. Известны и широко обсуждаются в этой связи две крайности: объективизм (натурализм) и субъективизм.

Объективизм-натурализм — это трактовка ценностей в терминах фактической реальности, понимаемой как свойства или качества самих объектов, явлений внешнего (вещь, событие, поступок) и внутреннего (идея, образ, концепция) мира.

Формой названного объективизма можно считать и социально-экономическую реификацию ценностей, состоящую в их отождествлении со стоимостью, ценой, потребительной полезностью. Определенное влияние на это отождествление оказывает, возможно, тот факт, что во многих языках, в частности в английском, немецком и французском, понятие «ценность» обозначается тем же словом (*value*, *Wert*, *valeur*), что и экономическое понятие «стоимость». В соответствующих текстах на русском языке «ценность» также взаимозаменяема со «стоимостью», а чисто вещные ассоциации и коннотации сопровождают многие другие слова и выражения («материальные ценности», «ценные бумаги»).

Стоимостная интерпретация ценностей может принимать форму общественного или государственного утилитаризма. Так, в «Левиафане» Т. Гоббс писал: «*Стоимость, или ценность, человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого*». И даже достоинства человека есть, по Гоббсу, не что иное, как его «общественная ценность... т. е. та цена, которая дается ему государством...»¹.

¹ Гоббс Т. Соч. в 2-х т. Т.2. — М., 1991. — С. 66—67.

Субъективизм — концепция, в соответствии с которой объект становится ценностью только потому, что субъект имеет определенное — санкционирующее (одобряющее и утверждающее) отношение к нему. Здесь ценность отождествляется с личным выбором и субъективной значимостью — короче, с удовольствием, которое испытывает человек от удовлетворения своих желаний, потребностей, интересов, от манифестации своих страстей, чувств, настроений, в «предельном», метафизическом плане — фундаментальных бытийных интуиций и предпочтений.

В порядке общей реакции на крайности объективизма и субъективизма в трактовке природы ценностей правильно, видимо, настаивать на том, что неразумно (нет достаточных оснований) искать ценности только на стороне объекта или только на стороне субъекта. В действительности они возникают и растут в точках их пересечения — как результат, эффект встречи субъекта с объектом. Возможно даже, что это нечто межсубъектное, т. е. род отношений между людьми по поводу того или иного объекта, его свойств, отношений, зависимостей.

Взаимодействие субъекта с объектом — необходимое, но не единственное условие, отвечающее за возникновение и существование ценностей. Ничего собственно аксиологического здесь нет. Субъект-объектные отношения фиксируются достаточно широко. Не обходится без них и гносеологическая ситуация, или теоретическое отношение человека к действительности, оформляемое в виде фактуальных или истинностных суждений. Поскольку истина по определению объективна, то субъект-объектное взаимодействие в ее случае имеет явную объектную асинхронию: доминирует объект, его содержание. В случае (ситуации) же ценности наблюдается субъектная асинхрония: доминирует субъективное начало, движение «от субъекта». Но если продолжать отталкиваться от объекта, то можно сказать, что истина — это соответствие мысли объекту, а ценность — соответствие объекта (свойств вещей) желаниям, интересам, планам, другим внутренним формированиям субъекта. При всем том нельзя забывать, что в этосе науки истина признается в качестве наивысшей ценности исследовательской деятельности.

Субъектную асинхронию в проблеме ценностей можно выразить одной фразой: ценность есть оценка значения. На английском языке, языке современной ученой латыни, она звучит более изящно: «A value is an assessment of worth». Под значением (worth) в данном суждении понимается не само по себе объективное свойство вещи, а его насущность, важность, релевантность для субъекта. Это свойство, строго говоря, не существует, а значит. Интересно заметить, что в предикативном употреблении английского *worth* непременно присутствует некая отнесенность к субъекту:

«достойный», «стоящий», «заслуживающий» (внимания индивида). Важно в данной связи обратить внимание и на союз «значит», в который легко преобразуется «значение». Он явно указывает на имплицативность («и потому», «следовательно») — надо полагать, не только лингвистическую или логико-семантическую, но и онтологическую. Союзно-имплицативное *значит* разрывает объектную герметичность исходного свойства и делает его открытым контексту, окружению, в том числе и субъекту. По-другому имплицативную открытость свойства можно назвать его предрасположенностью, или диспозиционностью, быть воспринятым в качестве ценности (value).

Ясно, что далеко не все свойства обладают указанной предрасположенностью. К примеру, атом обладает таким свойством, как атомный вес, но к ценностям это не имеет никакого отношения. То же самое можно сказать и относительно инстинктивных механизмов, равно как и всех других физиологических процессов, которыми «напичкан» наш организм. Безусловно, нужно проводить различие между природным объектом и объектом, созданным самим человеком, — культурным артефактом. В последнем, по определению, ценность уже воплощена. Впрочем, это определение без оговорок работает лишь там, где «искусственное» и «искусное» (лат. *arte factum* переводится как *искусственно или искусно сделанное*) совпадают. К тому же, как показывает опыт искусства XX века, ценностное воплощение часто не идет дальше так называемого художественного жеста, как в случае «Фаянсового писсуара» М. Дюшана или экспериментов П. Манцони². Для субъект-объектной диспозиции ценностей (онтологии проблемы) их природно-артефактное разграничение не имеет особого значения. Принципиально не меняется эта проблема и тогда, когда в качестве объекта выступают деяния, поступки, другие процессуальные формирования человека.

Средний член и смысловое ядро рассматриваемой фразы — оценка. С ней ценности связаны напрямую. Нет ценностей без оценки. Любая ценность конституируется в поле или процессе оценки. Оценка же — это «практическое» определение «доступного влиянию наших действий явления как достойного порицания или одобрения» (М. Вебер). Одобрение или порицание обращено, с одной стороны, к значению объекта (объективного свойства), а с другой — к желаниям, интересам и надеждам субъекта. Первую сторону данного обращения мы уже зафиксировали как объектную предрасположенность к ценности. Есть такая предрасположенность, рассуждая по аналогии, и на стороне субъекта. Только она теперь не пассивная, как в ситуации объекта, а деятельная и

² Итальянский художник Пьетро Манцони в 1961 г. выставял свои продукты жизнедеятельности, запаянными в консервные банки. Один грамм «произведения» продавался по цене грамма золота. В 2002 г. галерея Тейт заплатила за банку Манцони 61000 долл.

инициативная: органическая, на уровне способности, привязанность к субъекту делает свое дело. И называть ее теперь лучше не «предрасположенность», а «готовность».

Как способность субъекта оценка есть приложение (наложение) некоего масштаба, или критерия, к соответствующему объектному свойству. Приложение это может быть любительским, экспертным, светским, религиозным, общественным, частным, любым другим — особых трудностей для понимания здесь нет. Проблема полностью смещается на критерий оценки — что это такое?

Поиски ответа на поставленный вопрос выводят нас (и не только нас — большинство исследователей) на долженствование. Реагируя на него в общем плане, можно сказать, что у всех ценностей выделяется аспект долженствования. У некоторых из них, как у идеалов, например, он разрастается до предельной полноты, яркой и убедительной одновременно. Долженствование, далее, создает «рабочее» напряжение между ценностями и той реальностью, с которой они так или иначе связаны. На языке деятельно-субъективных реалий оно позволяет трактовать себя в качестве тех стимулов, которые толкают человека к развитию как реализации все более высоких ценностей. Таким образом, долженствование выступает в качестве мотивации — к восприятию в соответствующем свете объекта или к реализации предположенного, задуманного.

Долженствование, далее, создает особую — интенциональную ситуацию-среду для ценностных устремлений и ориентаций человека. Предмет интенциональности ценностного типа представляет собой некую идеальную модель, модель возможного совершенства. Поскольку в каждом конкретном случае мы наталкиваемся на те или иные ограничения, то оценка объектных свойств, вовлеченных в ценностные отношения, выявляет не совершенство само по себе, а ту или иную меру его представления, воплощения, реализации. Обращаясь к языку Гегеля, можно было бы сказать, что в ценностном акте к свойству вещи прикладывается масштаб ее всеобщего понятия, применительно к человеческим делам — масштаб человека как телеологически самодостаточного, свободного и творческого существа. Иначе говоря, модель совершенства есть всеобщее понятие, взятое в его идеальной функции — функции цели-идеала.

Сказанное не нужно понимать в том смысле, что модель или образ совершенства возникает только из опыта разума, создаваемого «деятельностью» понятий. Образ совершенства может вырастать и из опыта чувств — разумеется, не внешних, а внутренних. Однако чаще всего эти два источника — опыт разума и опыт чувств — выступают вместе, образуя в итоге вкус — особое, далее не разложимое ощущение-понимание совершенства.

Модель интенционально полагаемого совершенства можно, конечно, выделить и рассмотреть в качестве чего-то вполне самостоятельного. Но в действительности, в своем реальном бытии она дана в неразрывном единстве с самой этой интенциональностью, или должно-волевой направленностью. Хотя, если быть точным, термином «единство» выбирается здесь далеко не все. Модель совершенства есть не просто предмет в единстве с должно-волевой направленностью на него, а предмет, конституируемый самой этой направленностью на него. Он возникает как бы на кончике ценностной интенциональности, в виде ее предельного уплотнения (кристаллизации) и структурно-смыслового упора. Ценностно-интенциональный предмет отнюдь не немецкое *Gegenstand* — то, что противостоит. Интенциональный предмет в мире социального не противостоит, а «стоит» — вместе с человеком, как продолжение и артикуляция собственно человеческого в человеке, как образ Человека в человеке. Вот, скажем, честь. С физической («вещной») точки зрения это — вымысел, фантазм, ее нет в природе. И все же в ее реальности, в ее социально-антологической состоятельности мы несколько не сомневаемся. Честь реальна и живет тем, что мы мыслим и действуем в предположении, надежде и ориентации на то, что она есть или непременно должна быть. Раз мы — люди, а я — человек.

Как критерий оценки модель совершенства сродни перформативности известного класса истин. Перформативные истины не открываются в прямом смысле этого слова, они выполняются (англ. *perform* — исполнять, совершать). В чем, например, истина выражения «будь честен»? В том, чтобы действительно быть честным, поступать честно в той или иной ситуации. Следование такой истине совпадает с ее доказательством. Доказательством имманентным, выстраиваемым из того же материала, что и сама истина.

Модели совершенства — смысловые перформансы, специфические перформативные истины. Цель нормативного, идеально-требовательного принятия данных истин та же, что и их ценностно-критериального исполнения или применения, — свобода, торжество свободного выбора в пользу добра, истины (истины экзистенциальной, правды), красоты, в пользу Человека — императива «быть человеком».

Подытожим сказанное: в реальности аксиологического типа воедино сплавлены ценность как диспозиционно-волевое усилие субъекта и ценность как диспозиционная характеристика объекта. Инициатива по переводу возможности (модельного, или образцового, совершенства) в действительность восходит в конечном счете к долженствованию и запускаемой ею интенциональности. Что до механизма этого перевода, то он представлен уже очерченной нами критериальной оценкой.

Ценности, как видим, суть феномены, имеющие прямое отношение к развитию и совершенствованию человеческих качеств, к функционированию должного, идеально-образцового в структуре социального бытия. Нельзя не видеть в то же время, что жизнь включает в себя и нечеловеческое, и недолжное. Как быть со статусом таких образований, по конфигурации и содержательной наполненности несомненно ценностных? Выход, видимо, один — согласиться с существованием отрицательных ценностей или, как их еще называют, антиценностей. Хотя проблема остается: не отменяет ли отрицательная определенность ценности саму ценность? Ценность в культуре всегда была (и остается) чем-то очень важным, нужным и достойным. У антиценностей отсутствует то, что составляет суть социально-исторического предназначения ценностей: быть индикатором желательного (не желаемого, а «что надо желать») и порядочного в человеческой жизни, содействовать коммуникации и взаимопониманию между людьми, служить средством легитимации социальных институтов, смысловыми нитями общественной канвы жизни в целом.

Важное измерение мира ценностей — их полнота и стабильность (устойчивость, прочность). Здесь тоже выделяются две крайности: абсолютизм и релятивизм.

Абсолютистская интерпретация ценностей выставляет их как нечто неизменное, раз и навсегда данное, самодовлеющее, непреходящее, вечное. Абсолютность ценностей обычно выводится либо из всемогущества и всеблагости Бога, либо из природы или «естественной мудрости» универсума (Космоса). В отличие от абсолютистской релятивистская интерпретация ценностей замыкается в конечном счете на конвенциональной изобретательности человеческого ума, на том, что все едино, все сойдет (everything goes): нет никаких заслуживающих доверия «точек отсчета», все сводится к актуальному здесь-и-сейчас бытию, к непосредственным жизненным взаимодействиям, постоянно меняющейся конфигурации конкретных событий и ситуаций. Все ценности равноценны и произвольно выбираемы. Если принять во внимание национально-культурную, вообще кластерную дискретность ценностей, то релятивизм означает равнозначность (в виде одинаковой несовместимости) ценностных верований различных культур, других ценностных «ассоциаций», что делает бессмысленным определение «правильных» и «неправильных» ценностей, поиск критерия выбора между ними.

Абсолютных, неизменно-вечных ценностей и в самом деле не бывает. Все ценности относительны, претерпевают определенные исторические изменения, зависят от конкретных обстоятельств времени и места, от этнонационального и религиозного ландшафта, от локальной, региональной и цивилизационной специфики. В конце концов

все ценности конституируются относительно человеческой природы. Будь она другой, были бы другими и ценности. Но все это не оправдывает превращения относительности (относительно кого- или чего-нибудь») в релятивизм — по сути, аксиологический анархизм, ценностный хаос, подрывающий идейно-смысловые основания (духовные основы) самой общественной жизни. Если у ценностей нет объективного, с логической точки зрения, — демонстративно-доказательного удостоверения, то это не значит, что они нереальны. Релятивизм несет с собой аномию — ценностную патологию, расстройство, неясность и смешение всех ценностей. Релятивизм особенно опасен, когда он затрагивает, подтачивает базовые ценности общества. Общество, в котором нет согласия относительно базовых ценностей, стабильным и безопасным считаться не может. Оно внутренне напряжено и готово в любой момент взорваться. Диапазон возможных потрясений самый широкий: от уличных беспорядков до социально-политических революций.

Тенденция к релятивизации ценностных формирований — пожалуй, ведущая в современном мире. Но не единственная. Ей противостоит контртенденция, состоящая из определенных барьеров (сдержек и противовесов) на пути безудержной произвольности и рыночной обмениваемости всех ценностей.

Первый из таких барьеров представлен иерархическим строением ценностей. Под иерархией ценностей обычно понимают их расположение от низших к высшим или от высших к низшим. При этом наблюдаются (соблюдаются) определенная последовательность и непрерывность. Однозначно низшими и однозначно высшими ценности оказываются только у основания и на вершине данной иерархии.

В иерархическом строе ценностей много стихийного и исторически-условного. Достаточно жесткой и пирамидально прочной конструкцией иерархия ценностей была (и остается) в традиционном обществе. Ее демократическое «развинчивание» началось с индустриального общества и по инерции продолжается в постиндустриальном.

У более низкого и более высокого в ценностной иерархии разные субъектные наполнения. Прежде всего по объему: низшие ценности более массовы, они распространены среди большего количества людей; высшие ценности не имеют широкого хождения, их исповедует, как правило, узкий круг людей, они — удел немногих. Далее различие идет уже по качеству: высшие ценности доступны только высокоразвитым субъектам, людям достаточно образованным и воспитанным, истинным ценителям и знатокам; низшие ценности никакой специальной подготовки для своего восприятия и, в целом, присвоения не требуют — они доступны практически всем, их может освоить человек с самым «средним» образованием.

Низшие ценности, как правило, стереотипны, удобны и эффективны, быстро поднимают настроение. Они легко отключают критическое «Я» человека, притупляют его сознание, выходят зачастую на подкорку эмоций и чувств. Высшие ценности чаще всего неудобны, в попытке соответствовать их непростым требованиям, быть, как говорят, на высоте принципов, человеку нередко приходится страдать, мучиться совестью, чувствовать свою заброшенность и малость в этом мире.

В низших ценностях много конформизма, тихого согласия с тем, что есть, сложилось и утвердилось, что обрело форму статус-кво. В противоположность низшим высшие ценности содержат в себе неконформистский дух, требуют не останавливаться на достигнутом, продолжать обустривать землю (быт, бытие) и чистить себя под Человека.

Иерархия ценностей неустраима, но она тоже развивается, претерпевает определенные исторические изменения. Общая тенденция здесь давно уже обозначилась: с одной стороны, не фыркать по поводу толпы, быдла или черни, а с другой — не отворачиваться от высокого, не самоутверждаться за счет равнодушия или презрения к его лучшим образцам. Низшее исчезает не тогда, когда устраняется высшее, а тогда, когда низшее медленно, но неуклонно поднимается, подтягивается к высшему. Поднимаясь вверх, выбирая высшее, человек развивает свою родовую определенность, совершенствуется как человек, утверждается в образе и подобию Человека. По справедливому замечанию В.С. Соловьева, «человек, который довольствуется своею человеческою ограниченностью и не стремится выше, неизбежно тяготеет и ниспадает до уровня животности»³.

С иерархическим делением ценностей на высшие и низшие внутренне перекликается их разграничение на коммуникативные («внутренние») и инструментальные («внешние»). Коммуникативные ценности более существенны и человечески (по гуманистическому потенциалу) весомы, именно их чаще всего предпочитают ценностям инструментальным. Коммуникативные ценности самодостаточны, они имеют цель в самих себе, интересны самим фактом своего существования в мире человеческих связей и взаимодействий. В отличие от коммуникативных инструментальные ценности «производят» что-то еще, служат своеобразным средством для других ценностей и целей. Художественное полотно в картинной галерее, например, — коммуникативная ценность. Доставляемое им эстетическое наслаждение ориентировано на бытийное самостояние человека, на имманентность его исторической телеологии. А вот дизайн машины, хоть и радует глаз,

³ Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. — М., 1989. — С. 604.

нельзя отделить от технических (лучшая обтекаемость) и рыночных (снижение расхода топлива, экономичность) целей. Не всегда, впрочем, коммуникативные и инструментальные ценности исключают друг друга. Знание, например, ценно само по себе, в то же время его нередко используют для воздействия на окружающих, повышение престижа и т. д.

На пути релятивизации ценностей стоят также ценностные или, как их чаще называют, культурные универсалии. Они еще известны под именем общечеловеческих ценностей. На фоне преобладающего настроения в пользу неотчуждаемого права отличаться от других и сохранять до конца верность собственной культуре интерес к ним сегодня неуклонно повышается.

Ученые продолжают спорить, из чего растут, где и как возникают общечеловеческие ценности. Подходов и интерпретаций много. Одни ищут общечеловеческие ценности в семантике ценностных терминов и в проверке на истинность ценностных суждений. Другие обращаются за помощью к генеалогии: чем стариннее ценности, тем они (обще)человечнее. Третьи видят выход в одобряющем мнении большинства. Четвертые копаются в инстинктах, которыми наградила человека матушка-природа. Оказывается, за «не убий» стоит просто инстинкт самосохранения. Пятые отождествляют общечеловечность с функциональной общностью, т. е. со способностью соответствующих ценностей удовлетворять жизненно важные потребности человека и общества. Шестые обращаются к топологическому аргументу, помещая общечеловеческие ценности в особый мир трансценденции и объективной значимости. И так далее — поиски не прекращаются.

Со временем, конечно, обозначатся новые перспективы, появятся дополнительные подходы и ответы. Но сегодня в общем плане мы можем настаивать на том, что общечеловеческие ценности, как форма культурной всеобщности, образуются не в результате простого совпадения или сходства национальных культурных ценностей. Поиски такого совпадения-сходства не дают ничего, кроме несущественных, тощих и плоских абстракций, вроде той, что у всех людей имеется мягкая мочка уха. Скорее всего, они зачинаются и утверждаются в точках взаимопонимания двух и более культур или цивилизаций. Это взаимопонимание как раз и принимает форму общечеловеческих ценностей.

В так понимаемых общечеловеческих ценностях нет и не может быть никакой предзаданности или положенности, никакой внешней, направляющей и подтверждающей, инстанции. Они устанавливаются на манер правил игры, но не до, а в процессе самой игры. Игра здесь — диалог. И даже не диалог (греч. *di* — двойной: две культуры или

цивилизации), а, в перспективе, полилог (греч. poly — много: более двух культур или цивилизаций). От точки (точек) к узлу (узлам) взаимопонимания — такова в первом приближении схема генезиса общечеловеческих ценностей. Их открытость будущему не отменяет исторической работы традиции, в которой данный генезис «упаковывается» и закрепляется.

Социально-онтологический ресурс общечеловеческих ценностей, несмотря на непроявленность многих его генетических и структурно-содержательных элементов, вполне достаточен — как базис, основа — для формирования надежного и всестороннего взаимопонимания между людьми. Никакие релятивисты не смогут убедить нас, что общечеловеческих ценностей нет или не должно быть, что они нереальны, что это выдумка просветителей и гуманистов. Более того, именно современный мир стал ближе к ним. Ближе — по сравнению с предыдущими эпохами или стадиями развития. Планка общечеловечности уже не кажется сегодня непокоримой. Хотя по-настоящему мир общечеловеческой размерности только-только зарождается.

В общеисторическом плане можно выделить три эволюционных типа ценностей: антиматериальный, нематериальный и постматериальный.

То, что ценности духовного порядка, а именно о них здесь речь, не материальны, — факт банальный. Они таковы по определению. В рассматриваемой цепочке, однако, приставки «анти», «не» и «пост» несут с собой особое содержание. Это своеобразные метки времени, отсылающие к характеру взаимосвязи материального и духовного в общественной жизни людей.

Для домодерной исторической эпохи (традиционного общества) характерно резкое противоположение (это и есть наше «анти») материального как темного, низкого и бренного духовному как светлому, благородному и вечному. Дух (духовность) в этой ситуации выполнял сложную компенсаторную функцию. Он помогал жить, вернее — выживать в условиях неразвитости (негарантированности) материальных условий общественной жизни. Действовало нечто вроде закона сообщающихся сосудов: чем меньше «материи», тем больше духа. Постоянная нужда, произвол властей, социальное расслоение и отчуждение — от всей этой неустроенности бытия человек искал спасения в сфере духа. Благо она очень податлива, легко принимает в себя иллюзии, фантазии, мечты, другие столь же произвольные построения и перспективы.

«Антиматериальный» дух — феномен особого рода: героический, подвижнический, аскетический. Дух самодостаточный, герметичный, тяготеющий к абсолютизации своих исходных элементов-ценностей. В нем культивировалось, чаще

всего неосознанно, недоверие и презрение к физической «изнеженности» и материальному благополучию. Поощрялось, возводилось в добродетель умение не тяготиться дискомфортом повседневного существования, скудной жизнью и тяжелым трудом. Всячески поддерживалась постоянная внутренняя мобилизованность человека. Принижались, выталкивались на периферию жизни чувственность и телесность — как нечто слишком низкое и вульгарное, чтобы претендовать на культурную привлекательность и историческую значимость. Их окружали стеной всевозможных ограничений и воздержаний. Антиматериальные ценности освящались, как правило, религией, хотя нужды в этом и не было. И без религии они оставались сакрально неприкосновенными.

Время, однако, шло, жизнь все больше открывалась новым веяниям и изменениям. Антиматериальные ценности перестали справляться со своей основной задачей — вносить смысл и символический порядок в человеческую жизнь. Вместе с некоторым насыщением жизни товарами и услугами, демократизацией общественной жизни, смягчением социального напряжения, переходом от личной зависимости к зависимости только вещной, или рыночной, — вместе со всеми этими историческими атрибутами современного (индустриального) общества претерпела определенные изменения и оппозиция «материальное — духовно». Приставка «анти» сменилась на «не». «Не» в данном случае требовало меньше фронды, т. е. уничижительно-снобистского противопоставления духовного материальному, больше внимания к реальным, пусть и не очень высоким запросам практики, жизни.

В антиматериальных ценностях превалировали мораль и религия, в нематериальных — право, профессионализм, компетентность, интеллектуальная ответственность, деловая репутация. Вообще вместе с «не» пришло больше трезвости, открытости, прозрачности, — словом, расколдованности, как выразился бы на этот счет М. Вебер.

Взаимоотношение материального и духовного в современном обществе достигает отметки «существенные различия». Это тоже или еще напряжение, но уже не такое, как в случае домодерного общества, где оно было на уровне противоположности, если не антагонизма.

Модерн, модернизм — это прежде всего динамизм. Динамизм везде и во всем, в том числе и в сфере культуры, духа-духовности. Регулярно происходят какие-то революции: то научная, то художественная, то сексуальная... Ценности не устают отслеживать на предмет выявления степени их «морального износа» и мифологической заколдованности. Общественное сознание не успевает переваривать

ценностной эксцентризм, социально-нормативное экспериментаторство, различные — и положительные, и отрицательные — девиации. Нарастает этический релятивизм в форме скепсиса и нигилизма. Достигнув некой критической массы, все эти изменения устремляются в новое, ими же и пробитое русло, имя которому — постматериальность.

Постматериальные ценности постмодерной, действительно современной (на сегодняшний день) эпохи, которую еще называют постиндустриальной, — реальность поистине уникальная, никогда ранее не встречавшаяся. И пока еще очень хрупкая, больше в возможности, перспективе, чем в фактическом исполнении и утверждении. Но такова, видимо, судьба всех ростков нового.

К постматериальным ценностям история (западной цивилизации) шла долго. Надо было создать колоссальное материальное общественное богатство (гарантированное выживание), насытиться, а возможно, и пресытиться им, чтобы возжелать, взалкать большего. Ситуация не простая, предлагаемый ею выбор далеко не однозначен. Переход к постматериальной ценностной ориентации представляет собой настоящую экзистенциальную проблему. Не каждому она по плечу. Многие (а возможно, и большинство) не в состоянии пока оторваться от материального благополучия, они срослись с его уютом, чистотой, сытостью, теплотой. Названные выше ростки хрупки, видимо, и потому, что они малочисленны.

Постматериальные ценности требуют развитого социального воображения, подвижничества, мужества и отваги для трансцендирования устоявшегося, веками отработанного образа жизни. А таким ли естественным, по-человечески близким и понятным будет будущее — это еще вопрос.

При анти- и нематериальных ценностях фундаментом всего общественного развития выступала материальная, а точнее, социально-экономическая деятельность людей. В данном контексте вполне убедительна марксистская концепция общественно-экономических формаций. Все предыдущие (до постмодерна) эпохальные единицы истории и в самом деле экономические. До сих пор экономика торчит из всех углов общественной жизни. Постмодерная же стадия развития радикально новая, она переводит экономику из базиса в инфраструктуру человеческого бытия. Иными словами, материально-производственная деятельность людей на этой стадии начинает воспроизводиться как бы автоматически, следуя логике исторически набранного разгона, кумулятивной инерции своих масштабов, своей мощи.

Движение в сторону постматериальных ценностей четко просматривается и в эволюции общих (обобщающих) показателей или индексов жизни. Вначале это был уровень жизни, определяемый через душевой валовой внутренний продукт, т.е. объем потребляемых человеком материальных благ, их структуру и динамику. Достижение достаточно высокого уровня жизни позволило перейти к другому, следующему обобщающему показателю — качеству жизни. В дополнение к уже названным в нем выделяются такие параметры, как доступность образования, здравоохранения, других благ цивилизации, экологичность среды обитания, возможность реального влияния (со стороны отдельных граждан, групп, населения в целом) на ход политических процессов, высокая средняя продолжительность жизни и так далее.

В последние десятилетия на горизонте (гребне) качества жизни четко обозначилась потребность в субъективной удовлетворенности от труда, общественной и личной жизни в целом. Данная потребность — новый, собственно постматериальный обобщающий показатель жизни, исторического насыщения ее уровня и качества. Известным подходом к нему можно считать экономические расчеты индекса человеческого развития, развернуто — индекса развития человеческого потенциала.

Субъективная удовлетворенность от жизни — один из самых интересных и эвристичных срезов постмодерной («сегодняшней») современности. Она открывает аксиоцентристскую эпоху в развитии человечества, определяемую не количеством и динамикой содеянного, а глубиной и полнотой его человеческого смысла.

Эволюционная типология ценностей имеет прежде всего исторический смысл. Но она значима и для современности — современности не в календарном или астрономическом, а в социально-историческом смысле. Реальная темпоральная структура нынешнего человечества многослойна. Социально-историческое время течет по-разному в разных обществах. Современный (в календарном смысле) мир представляет собой развернутую в пространстве настоящего всю историю человечества от первобытно-общинного строя (австралийские аборигены, например) до постмодерного общества (развитые страны Запада и Востока).

Опираясь на расчеты О. Тоффлера⁴, можно представить себе такую картину: 70% населения земли живет в прошлом (разном прошлом), 25% — в настоящем (в современности), 3% — в будущем, ну а остальные просто маргиналы — они выпадают из всякого времени. Так что современная ситуация — не классическое «распалась связь времен», а скопление, нагромождение разных времен и очень сложная диалектика их

⁴ Тоффлер О. (А). Футурошок. СПб, 1997. С. 31.

взаимосвязи. На узко профессиональном языке это звучит как симультантность, или одновременность, разновременного.

Разумеется, чистых в своей самостоятельности времен уже давно нет. Тем более их нет в наше время, когда мир становится поистине глобальным, взаимозависимым, единым. В этот процесс так или иначе втянуты все страны и народы, а значит и все социально-исторические времена. Независимость и обособленность прежнего исторического бытия ушли в прошлое, всё ныне пришло в движение (соприкосновение, столкновение).

Анти-, не- и постматериальные ценности встречаются сегодня в любом обществе — разумеется, в разной пропорции. И это позволяет устанавливать корреляцию между темпоральной многослойностью современного мира и (эволюционными) типами ценностей. Эволюционность данных типов определяет вертикальный, а не горизонтальный характер указанной корреляции. На острие ее исторически-временной стрелы находятся как раз постматериальные ценности — верный индикатор социально-исторической современности наших дней. Они же составляют и ядро ее собственно аксиологического вызова.